

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

**ОДИН РАЗ
В МИЛЛЕНИУМ**

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Один раз в миллениум / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-04-180286-8

На известного столичного олигарха Эдуарда Халуповича совершено покушение. Его пытались отравить сильнодействующим ядом, и только по счастливой случайности он остался жив. Эдуард обращается за помощью к знаменитому сыщику Дронго и просит как можно скорее найти того, кто пытался лишить его жизни. Дронго приступает к расследованию и вскоре приходит к выводу, что покушение на Эдуарда было совершено не конкурентами и не обманутыми партнерами по бизнесу. Олигарха пыталась убить одна из его многочисленных любовниц...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180286-8

© Абдуллаев Ч. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Миллионер-плейбой решил встретить миллениум в компании трех красивых женщин... и чудом избежал гибели, постигшей, увы, ни в чем не повинную домработницу.

Однако это убийство — лишь первое в череде загадочных преступлений, внешне НИКАК не связанных между собой и поставивших в тупик лучших специалистов Московской прокуратуры...

Так начинается новое дело агента Дронго. Увлékательно-стремительное — и смертельно опасное. Дело, в котором невиновных практически невозможно отличить от виновных, а случайных свидетелей и несчастных жертв — от хладнокровных и циничных преступников...

— Распущенных женщин нет, — заметил органист. — Это предрассудок. Есть женщины, которые тридцать раз спят с одним мужчиной, и женщины, которые спят по разу с тридцатью мужчинами.

— И женщины, которые не спят с мужчинами, — добавила я, думая о себе. Мне стало душно,

я видела все как сквозь туман и покраснела до самой шеи. Наверно, у меня был очень глупый вид.

— Блаженный Августин говорил, что половой инстинкт не зависит от воли, — продолжал органист. — Святой Бенедикт спасался только тем, что нырял головой в крапиву. За исключением безбрачия, нет половых извращений.

Халлдор Лакснесс.

«Атомная база»

Глава 1

Дронго лежал на диване, наслаждаясь новым изданием Борхеса. Парадоксальность мышления великого писателя всегда приводила его в восторг. Телефонный звонок заставил невольно поморщиться. Он посмотрел на аппарат, послушал, как включился автоответчик. Раздался знакомый голос Владимира Владимировича:

— Если ты дома, возьми трубку. Мне надоело слышать твой голос на автоответчике.

— Что случилось? — спросил Дронго, подняв трубку.

— Тебя хочет видеть один человек. Мне кажется, тебе будет интересно с ним встретиться.

— Опять, — поморщился Дронго, — опять кто-нибудь из ваших бывших коллег. Вы ведь знаете, как я не люблю работать с офицерами ваших спецслужб. С годами идет очевидный регресс, разве вы этого не замечаете? После того как закончилась «холодная война», лучшие офицеры на Западе ушли в бизнес, а многие из наших стали консультантами криминальных группировок. Может, поэтому остались лишь неудачники.

— Свое компетентное мнение насчет спецслужб лучше выскажешь мне при личной встрече, — парировал Владимир Владимирович, — на этот раз могу тебя успокоить. Речь идет об одном бизнесмене, который хочет с тобой увидеться.

— Какой бизнесмен? Вы стали заниматься коммерсантами? — удивился Дронго. — Или он работает на секретном предприятии? Хотя какие секретные предприятия могли остаться в стране? Кто он такой?

— Интересный человек. Очень интересный. Мне кажется, он тебе понравится. Вы с ним чем-то похожи. Только ты стал циником, а он сохранил оптимизм.

— Поздравляю, — пробормотал Дронго, — кстати, почему вы решили, что я циник?

— Это я пошутил. В общем, я пришлю к тебе этого человека. Прямо сейчас. Ты с ним поговори, и поймешь, что я был прав. Он тебе понравится.

— Хорошо, — согласился Дронго, — присылайте ко мне вашего бизнесмена. Только с такими типами я еще не имел дел. Все нынешние бизнесмены либо государственные воры, которые успели присосаться к государственному имуществу и урвать свою долю, либо просто воры, которые смогли обмануть своих компаньонов и коллег по бизнесу. Или вы знаете другую категорию бизнесменов?

— Он из другой категории. Иногда бывают исключения, — загадочно сказал Владимир Владимирович, — ты с ним поговори, а потом спрощу

твое мнение. Уверяю, как минимум не разочаруешься.

Дронго положил трубку и вернулся на диван читать Борхеса. Через час ему позвонили. Он поднял трубку и услышал незнакомый голос.

— Здравствуйте, — раздался уверенный звонкий голос незнакомца, — извините, что беспокою вас дома. Но мне сказали, что у вас нет своего офиса.

— К счастью, нет, — добродушно пробормотал Дронго, — иначе мне пришлось бы принимать людей на работе, имитируя бурную рабочую деятельность.

— Я хотел бы с вами встретиться. Извините, что беспокою. Мне ваш телефон дал Владимир Владимирович...

— Это я уже догадался. Можете приехать, — разрешил Дронго, — я предупрежу охранников, чтобы вас пропустили.

В элитном доме, где жил Дронго, существовала частная охрана, обеспечивающая безопасность жильцов. Такие дома появились в Москве в середине девяностых, когда уголовный беспредел, захлестнувший город, вынудил создавать в подобных жилых комплексах собственную охрану, хотя бы отчасти гарантирующую их жильцам защиту от непрошенных визитеров.

Неизвестный появился примерно через полчаса. Когда он позвонил в дверь, Дронго, взглянув на экран монитора, увидел гостя. Это был мужчина на чуть выше среднего роста, с живыми глазами,

подвижным лицом, облысевший, с крупным мясистым носом и большими ушами. Гость дважды нервно поправил узел галстука, пока Дронго не спеша разглядывал его. Дронго обратил внимание на его длинные красивые пальцы. В правой руке пришелец держал целлофановый пакет. Дронго остался доволен увиденным и, поднявшись, пошел к двери, чтобы впустить гостя.

— Здравствуйте, — произнес неизвестный, входя в квартиру.

От него пахло дорогим парфюмом и сигарами. Сладковатый запах сигар. Дронго почувствовал его, как только открыл дверь.

— Добрый вечер.

Дронго кивнул гостю, он никогда не протягивал руку незнакомцам.

Гость снял пальто. «Довольно дорогое пальто, — отметил Дронго, — кажется, итальянское, из хорошего темно-синего кашемира».

Гость был одет в дорогой костюм. Дронго неплохо разбирался в подобных марках одежды. Это был, конечно, не «Бриони» и не «Валентино». Но одежда была очень хорошего качества. «Наверно, «Балансиага», — подумал Дронго, — они любят использовать кашемир, а этому типу, кажется, нравятся подобные костюмы. А вот галстук у него наверняка от «Диора». Его невозможно спутать ни с чем».

— Эдуард Леонидович, — представился вошедший, — моя фамилия Халупович.

— Очень приятно, — пробормотал Дронго, —

проходите в гостиную и сразу скажите, что будете пить: кофе, чай, спиртные напитки?

— Я знаю, что вы живете один, и поэтому не хочу вас утомлять. Кстати, я пришел не с пустыми руками, — он показал на пакет, в котором угадывались очертания бутылок.

Ловким движением он достал из пакета две бутылки французского коньяка. Не обязательно любить коньяк, чтобы разбираться в его дорогих сортах. Дронго коньяк не пил, но понимал в нем толк.

— Хорошо, что я не должностное лицо, — пробормотал он, — иначе спустил бы вас с лестницы. Но раз вы принесли коньяк, можете пройти в гостиную и открыть бутылку. Я принесу шоколад. Надеюсь, вы не закусываете коньяк солеными огурцами?

— Нет, — хохотнул Халупович. Они явно понравились друг другу.

В гостиной гость, открыв бутылку, разлил янтарную жидкость в два пузатых бокала. Дронго сел в свое любимое кресло. Гость устроился на диване. Коньяк оказался превосходным, Дронго оценил его аромат.

— Итак, — сказал он, — давайте начнем разговор. Как к вам обращаться? Господин Халупович? Или по имени-отчеству? Или вам больше нравится старорежимное «товарищ»?

— Можно просто Эдик, мне сорок четыре, хотя в этом году будет уже сорок пять, и, мне кажется, вы старше меня.

— Между прочим, я младше вас на несколько лет, — улыбнулся Дронго, — мне всегда нравилось удивительное свойство лысых людей. В молодости выглядишь гораздо старше, а в зрелые годы — гораздо моложе. Не так видна седина, как у людей, имеющих шевелюру. Но, учитывая, что мы похожи друг на друга, я надеюсь, что выгляжу не старше.

— Просто вы мощнее, — нашелся Халупович, — и поэтому подсознательно кажется мне несколько старше своих лет. Возможно, на меня оказывает психологическое воздействие ваша слава.

— Вы еще и подхалим, — улыбнулся Дронго, — сколько в вас недостатков. Интересно, кто вы по гороскопу? Подождите, я постараюсь угадать. Вызывающе нарядный галстук, дорогой коньяк, который вы принесли в дом незнакомого человека, полное отсутствие комплексов. С другой стороны, вы, очевидно, добились больших успехов в своей нынешней работе. Судя по вашему преуспевающему виду. Но такая работа у вас была не всегда. На левой руке я заметил старый шрам, разрезающий ладонь. Либо дрались, либо производственная травма. Скорее второе. По натуре вы сангвиник, не холерик, и не стали бы безрассудно бросаться в драку. В то же время вы очень настойчивы и упрямы в своих стремлениях. Очевидно, честолобивы, если решили прийти именно ко мне, считая меня достойным вашего внимания

экспертом. Вы Овен по гороскопу или Телец. Хотя нет, Тельцы более упрямы.

— Овен, — рассмеялся Халупович, — мы с вами родились под одним знаком гороскопа.

— Очень приятно, — усмехнулся Дронго. — Вы еще и готовились к нашей встрече. Мне приятно это слышать. Давайте перейдем к делу. Почему вы хотели со мной встретиться?

— Меня привели к вам весьма необычные обстоятельства, — Халупович улыбнулся. — Начал совсем как в романе. Туманно и загадочно. Никогда не думал, что такое может случиться со мной.

Дронго смотрел на него, не перебивая. Халупович слегка волновался, и ему нужно было дать возможность немного успокоиться.

— Дело в том... — Халупович вздохнул. — Извините меня, но я должен быть уверен, что все сказанное мною останется здесь...

— Вы хотите меня оскорбить?

— Нет, конечно. Извините, если я вас обидел. Я только хотел...

— Дорогой Эдик Халупович. Если меня перевернуть и вытряхнуть все тайны, которые я знаю, думаю, что их можно собрать в многотомное собрание сочинений. Поэтому не беспокойтесь и спокойно излагайте мне ваши проблемы.

— Да, да, конечно. Извините меня.

Он смущенно улыбнулся, взглянул на бутылку коньяка и продолжил:

— По натуре я человек увлекающийся. Вы бы-ли правы, я не всегда был такой. Окончил МВТУ

имени Баумана, попал по распределению на «почтовый ящик», как тогда называли военные предприятия. Маленький городок, все друг друга знают. Я там провел целых пять лет. Потом перевели в другой «ящик». И так до восьмидесят восьмого года, пока не разрешили кооперативы... Меня тогда только перевели в Москву. У нас оказалось немного свободных денег, знаете, тогда на военных предприятиях очень неплохо платили. Нас было три компаньона. И мы вложили все деньги в компьютеры. Тогда компьютерный бум в стране только начинался и нужны были люди, хоть сколько-то понимающие в этом вопросе. В общем, дела у нас пошли совсем неплохо. К девяносто первому году у нас было около восьми миллионов рублей, огромные по тем временам деньги. А потом Гайдар с его реформой нас немного прижал. Пришлось начинать с нуля. Вы же помните, какая тогда была инфляция. Но на компьютеры все равно был большой спрос. И через пять лет на нашем счету было больше пяти миллионов долларов. В девяносто седьмом было уже пятнадцать. Один мой компаньон уехал в Израиль, а другой в Америку. Я тогда решил остаться. Откуда было знать, что потом случится.

Халупович налил себе коньяка, затем, долив коньяк в бокал Дронго, поднял свой.

— Хороший коньяк, — словно убеждая самого себя, пробормотал он и выпил залпом, как будто это было виски или водка.

— Мне осталось около восьми миллионов

долларов, — продолжал Халупович, — и мне захотелось развернуться. Вы даже не представляете, как я жил в девяносто седьмом — первой половине девяносто восьмого года. Снимал виллы в Сен-Тропе. Жил рядом с принцессой Дианой, она как раз в августе проводила там время со своим любовником, перед тем как погибнуть в Париже. Я начал расширять свое дело. Какое это было время, вы наверняка помните.

Он тяжело вздохнул.

— Кто мог тогда подумать, что будет дефолт девяносто восьмого. Весной уже чувствовались первые признаки катастрофы, когда Чернобырдина поменяли на Кириенко. Но я ничего не хотел замечать. Даже деньги отказывался получать. Считал себя миллионером. Мне платили семьдесят пять процентов, а оставшиеся двадцать пять — после внедрения компьютеров. Доллар стоил шесть рублей, был стабильно зафиксирован, и мне казалось, что все будет в порядке. В начале августа я прилетел в Москву, и мы отметили день рождения моего друга в «Праге». А потом улетел отдыхать в Ниццу. Никогда не забуду, как восемнадцатого августа сидел в ресторане, а за соседним столиком разместился какой-то тип в полосатой майке. Он достал мобильный телефон и начал говорить, улыбаясь своему собеседнику. Но постепенно улыбка начала сползать с его лица. Сидевшая рядом с ним молодая женщина с ребенком не понимала, что происходит. Сначала они поужинали, а он все еще говорил. Затем

терпеливо ждали. Затем пошли по магазинам, а он все еще сидел за столиком, не притрагиваясь к еде и продолжая говорить. Нужно было видеть его лицо в этот момент! Он говорил по телефону в общей сложности несколько часов. И тогда я понял, что произошло нечто непоправимое.

В общем, тогда объявили дефолт. Что было потом, вы знаете. Банки закрывались, рубль рухнул, все полетело в тартарары. Из моих денег мне удалось спасти миллиона полтора. Пришлось закрыть фирму, чтобы рассчитаться с долгами.

— Невеселая история, — сказал Дронго после того, как его гость замолчал, — надеюсь, вы не пришли просить у меня займы. У меня вряд ли найдутся такие деньги.

— Нет, — улыбнулся гость, — ценю ваш юмор. Но, слава богу, с этим у меня все в порядке. Мне даже удалось снова открыть фирму и несколько поправить дела. Правда, сейчас я беру деньги вперед и никому не доверяю. Я имею в виду — ни одному отечественному банку. Все деньги держу за рубежом, так надежнее. Но дело не в этом... Я думал, что все мои проблемы уже закончились. Но, оказывается, ошибался. В общем, я сам виноват. Этот дефолт так стукнул меня по голове, что я стал немного сентиментальным. Когда положение несколько стабилизировалось, я решил вспомнить всю свою жизнь. У каждого из нас есть свои воспоминания. У некоторых приятные, у некоторых не очень. Поэтому я решил коллекционировать приятные воспоминания. В жизни

у меня были три женщины, встречи с которыми я запомнил. Три мгновения в моей жизни. Плюс жена. Вы скажете, что это мало для сорока четырех лет.

— Не скажу, — серьезно ответил Дронго. — Дело в том, что я не считаю количество женщин самым главным в жизни мужчины. Это тот случай, когда качество гораздо важнее. Некоторым везет еще больше, чем вам. Они встречают одну женщину и на всю жизнь. Это не так мало — четыре женщины в вашей жизни.

— Если бы четыре, — неожиданно грустно усмехнулся Халупович, — на самом деле я бабник. Элементарный бабник. Жена, конечно, ни о чем не догадывается. Я имел в виду четырех женщин, которые были в моей жизни. К которым я испытывал какие-то чувства. А остальные... вы, наверно, меня понимаете. У меня бывали и другие женщины.

— Не понимаю, — холодно заметил Дронго, — я полагал, что мужчина спит с женщиной, которая ему нравится, и для этого не нужны другие женщины.

— В таком случае вы не бабник, — вздохнул Эдуард Леонидович, — а мне нравится в отношениях с женщинами процесс узнавания, тайна каждой из них, их взаимоотношения друг с другом.

— В каком смысле?

— В смысле карнавала. Когда у меня появились большие деньги, я начал позволять себе

встречаться с женщинами. Сразу с несколькими. Вы меня понимаете?

— Нет.

— Мне было интересно, — Халупович чуть смущенно улыбнулся, — чувствовал себя, как на приеме у врача. Понимаете, к сорока годам хочется чего-то нового, каких-то особых ощущений. Женщин у меня было много. Некоторым я платил огромные деньги. После моего скитания по «почтовым ящикам», где приходилось утешаться вдовами или распутными бабенками, я мог себе позволить встречаться с теми, с кем захочу. Это мне понравилось. Постепенно я начал экспериментировать. Некоторые переходят на наркотики, некоторые становятся бисексуалами. Но я абсолютно нормальный мужчина. К тому же наркотики сказываются на работе, а это недопустимо в серьезном бизнесе. На алкоголь меня тоже особенно не тянуло.

Он взглянул на бутылку и улыбнулся:

— Это всего лишь для храбрости. Одним словом, я нормальный человек. Но однажды я позвал двух девушек — для себя и своего друга, а тот не приехал. И мне понравились обе девушки. Им было уже уплачено, и они обе остались. Это было так здорово. Потом я пригласил трех. Тоже понравилось. Нет, даже не так. Мне очень понравилось. С тех пор я стал приглашать девушек, заранее заказывая их по знакомым адресам. Причем я вызывал девиц из разных мест. Нужно было видеть, как они знакомились друг с другом. Это была на-

стоящая драма, карнавал. Они немного ревновали друг друга, немного завидовали, приглядывались к невольным подругам. Даже следить за ними было ни с чем не сравнимым удовольствием. Однажды я зашел слишком далеко. Пригласил сразу пять. Трех из одного места и двух из другого. И вы знаете, это до сих пор лучшее мое воспоминание в жизни. Пять молодых красивых женщин — и я между ними. Если есть рай, то я был немного в раю. Я до сих пор помню всех их по именам. Это было красиво! Мы были вместе часа четыре, а когда я наконец поднялся с постели, они все вместе, все пять, вдруг начали мне аплодировать. Представляете? Это было так необычно. Только не думайте, что я хвастаюсь. Мне обычно говорят, что такого не может быть. Но я не вру, честное слово. Зачем мне вас обманывать, какой резон? Они мне аплодировали, и это было лучшее воспоминание моей жизни.

— В следующий раз закажу для вас диплом «заслуженного бабника», — пробормотал Дронго. — Вам не кажется, что вы несколько увлеклись? По-моему, вам доставляет удовольствие ваш рассказ. Или вам нужно было кому-то исповедаться?

— Конечно, нет. У меня случилась трагедия, и я пришел к вам за помощью. Мне нужно было все рассказать, чтобы вы меня поняли. Я не сентиментальный человек, но когда у тебя столько знакомых женщин, невольно вспоминаешь и другие отношения. Я решил вспомнить женщин, с ко-

торами меня связывали не просто воспоминания. Три женщины, которых я любил и которым, как мне казалось, очень нравился. Кончается год, век, тысячелетие. Вот я и решил устроить себе такой праздник. Один раз в миллениум. Я разыскал их, нашел в других городах и вызвал в Москву. Я хотел познакомить их друг с другом.

— Надеюсь, вы не собирались проделывать с ними тот же эксперимент, что и с девочками по вызову?

— Нет, конечно. Ничего плохого. Посидеть за чашкой чая, просто познакомиться и поговорить. Кроме того, прошло много лет, — улыбнулся Халупович, — а эти дамы в возрасте, гораздо старше моей жены. Я собирался разместить их в разных отелях, чтобы потом преподнести сюрприз. У меня есть квартира для подобных целей. Каждая из женщин приехала на квартиру, чтобы посмотреть, где я живу. Конечно, я там не живу, но квартира неплохая. Три комнаты в центре города. Об этой квартире знают только мои близкие друзья, которые бывали у меня в гостях. Жена, конечно, ничего не знает. Женщины бывали у меня и раньше. А раз в неделю приходила домработница и убирала квартиру. Все было как обычно. Все три женщины, которых я разыскал через много лет, пришли ко мне в гости, по очереди, с интервалом в один час. Встретиться они никак не могли. Ничего между нами не было. С каждой я выпивал бокал шампанского, а затем вызывал машину, чтобы отвезти в отель. Вечером я дол-

жен был выехать в аэропорт, туда прилетал наш главный поставщик из Германии. Для него был заказан VIP-салон. Хорошо, что я решил ехать. Можно сказать, мне опять повезло. Я уехал в аэропорт, а домработница пришла как обычно. Потом сотрудники милиции мне сказали, что она пила воду из бутылки, которая стояла на кухне. И в ней оказался яд. Не представляю, как он туда попал. Несчастная женщина умерла на месте. Я был в это время в аэропорту, это могли подтвердить несколько свидетелей. Я собирался поехать на дачу, но должен был заехать домой, чтобы запереть дверь. Я долго стучал, но никто мне не открыл. Выяснилось, что дверь была заперта изнутри. Я стучал так громко, что собрались соседи. Тогда пришлось вызвать милицию. Я подумал, что в квартире воры. Хорошо, что мы вызвали милицию. Иначе я не представляю, как мог бы оправдаться. И мы обнаружили труп несчастной женщины. Как вспомню этот ужас, становится страшно. Эксперты установили, что смерть наступила мгновенно. И случилось это примерно в восемь часов вечера, как раз в тот момент, когда я встречал своего гостя в аэропорту. У меня оказалось железное алиби, меня запомнили и пограничники, и таможенники, и сотрудницы VIP-зала. Меня не стали задерживать и отпустили вчера утром. Жене я соврал, сказав, что был на даче. И с тех пор — а прошло уже два дня — хожу как убитый. Кому и зачем могла понадобиться моя смерть? Я ведь не сомневаюсь, что убить хо-

тели не эту несчастную женщину, о существовании которой не знал никто, кроме меня. Но кто и зачем хотел моей смерти? Я два дня размышляю над этим ужасным случаем и не могу ничего для себя решить.

— Прокуратура возбудила уголовное дело?

— Да. И меня уже допросили. Вот поэтому я и пришел к вам. Абсолютно дикий случай, о котором даже страшно рассказывать. Тем не менее знающие люди посоветовали мне обратиться именно к вам. Они считают, что вы лучший эксперт в городе, лучший специалист по подобным запутанным делам.

Глава 2

Дронго молчал несколько минут, обдумывая ситуацию, затем спросил:

— В доме ничего не пропало?

— Ничего. В квартире было пять тысяч долларов, и они остались лежать на месте. Ничего не пропало. Кроме того, дверь была заперта изнутри, а на седьмой этаж не так-то легко попасть. На балконах у меня жалюзи. Я их всегда держу закрытыми.

— Погибшая давно работала у вас?

— Полтора года. Очень исполнительная и тихая женщина. У нее осталась внучка, которую она воспитывала. Мать уехала куда-то в Югославию, а отец ребенка давно их бросил. Как

вспомню, так мороз по коже. Я уже поручил своему секретарю присмотреть за ребенком. Девочке тринадцать лет, и у нее никого нет. Ее привезли к нам в офис и пока поселили в моей комнате отдыха. У нас круглосуточная охрана, и с девочкой ничего не может случиться. Конечно, я возьму на себя организацию похорон, но тело мне пока не выдали.

Он вздохнул и снова взял бутылку. Потом невесело усмехнулся:

— Под такой рассказ лучше глушить водку, чем этот коньяк. Он только усиливает напряжение. У вас можно курить? — спросил он.

— Вообще-то нет, — ответил Дронго, — но иногда, в виде исключения, я разрешаю это своим гостям. Сейчас принесу пепельницу.

Он поднялся и вышел на кухню. Вернувшись обратно, он поставил на стол пепельницу и большую бутылку водки.

— У меня есть водка, — предложил Дронго, — кажется, «Абсолют». Держу для своих гостей. Это водка с перцем.

— Спасибо, — улыбнулся Халупович, — я же сказал, что почти не пью. Обойдусь коньяком, — он достал сигару с уже обрезанным концом и щелкнул зажигалкой. Комната наполнилась ароматом дорогой сигары. Халупович налил себе коньяка и макнул сигару в рюмку.

— Вот такая у меня невероятная история, — наконец произнес он. — Но самое интересное, что буквально перед выездом в аэропорт мне кто-то

позвонил. Какая-то женщина. На мой мобильный телефон. И сказала, что мне угрожает опасность. Представляете? Получается, что эта незнакомка знала о готовящемся покушении.

— Вы сообщили об этом следователю?

— Да. Они проверили этот звонок. Звонили из телефона-автомата. Откуда-то с Кузнецкого Моста.

Дронго мрачно кивнул и спросил:

— Этих женщин, которых вы пригласили, вы давно не видели или поддерживали с ними какие-то связи?

— Конечно, нет. Одну из них я не видел лет двадцать. Вторую — пятнадцать... Они очень изменились. Мой друг Эльмар, осетин, он сейчас работает в Вашингтоне, в нашем посольстве, как-то сказал мне, что не нужно встречаться с женщинами, которых ты знал раньше. Это приводит к невероятному разочарованию.

— Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы, — прокомментировал Дронго. — Ваш друг дал вам неплохой совет, почему же вы его не послушались?

— Не знаю. Я же говорю, что стал сентиментальным. Решил, что нужно собрать в Москве женщин, о которых хранил приятные воспоминания. Вот и вызвал в Москву этих трех. Одной из них мне даже пришлось помогать с получением визы.

— Давайте по порядку. Вы нашли трех женщин, с которыми когда-то были близки. Вы не

видели их много лет, не знаете, что с ними было и как они теперь живут.

— Кое-что знаю, если сумел их найти.

— Тогда расскажите мне, что именно знаете. Вы хотите, чтобы я вам помог, но я не могу давать вам заочные советы, пока не пойму, что именно произошло.

— Понимаю. Извините, что отнимаю у вас время. Мы могли бы договориться об оплате ваших услуг.

— Об этом мы договоримся, — улыбнулся Дронго, — пока мне просто интересно с вами разговаривать. Я должен понять, что именно у вас произошло. Итак, в вашем доме побывали три женщины. Начнем по порядку. Когда пришла первая?

— В три часа дня. Я специально ушел с работы пораньше, и ее привез мой водитель. Она остановилась в отеле «Националь».

— Вы оплачивали их проживание в Москве?

— Конечно. Заказал им номера в разных отелях. Элга живет в «Национале».

— Как вы сказали?

— Элга Арнольдовна Руммо. Она приехала из Эстонии. Мне пришлось послать туда приглашение, чтобы ей оформили визу. Представляете, как все это странно. Она живет в Таллине, в том самом доме, в котором жила двадцать два года назад, когда мы впервые познакомились, — Халупович дымил сигарой, глубоко затягиваясь.

— Расскажите подробнее.

— Конечно. Меня отправили тогда в командировку в Эстонию. Как раз перед Олимпиадой, в семьдесят девятом году. Для нас Прибалтика была тогда настоящей заграницей. Я ведь не мог ездить за рубеж, так как работал в «почтовом ящике», откуда не пускали даже в Болгарию. В Таллине я пробыл почти месяц, здесь и познакомился с Элгой. Она была тогда стройной, всегда улыбающейся, смешливой блондинкой. С ней было так забавно.

— Она была замужем?

— Да. Но тогда прибалты считались в этом отношении более «продвинутыми», чем все остальные. На такую деталь мы не обращали внимания. У нее уже взрослый сын, двое внуков. Представляете? А она ведь старше меня только на полтора года. Правда, она очень изменилась. Ведь прошло столько лет. Но она с удовольствием приехала в Москву, кажется, даже не удивившись моему вызову.

— Вы встретились с ней в три часа дня?

— Да. Посидели немного, поговорили. Я пообещал ей позвонить. Она говорит по-русски с очень сильным прибалтийским акцентом.

— Потом она уехала в отель?

— Конечно. Мы отвезли ее в отель, и я заехал за второй женщиной. Она жила недалеко, в «Метрополе». Приехала из Екатеринбурга. Чудо, что мне удалось ее найти. Она поменяла адрес, переехала жить в другой район. Пришлось послать туда помощника, чтобы он ее разыскал. Через

столько лет. Я тогда работал в Екатеринбурге, вернее, не совсем в городе, наш «почтовый ящик» находился в пригороде. Иногда мы выбирались в центр. Тогда любой вокзальный ресторан был для нас идеальным местом отдыха. Вы же помните наглых швейцаров, которые не пускали посетителей. Поразительное было время. Во всем мире людей зазывают в рестораны, а у нас, наоборот, не пускали. Но я немного отвлекся. Мы тогда познакомились с Фаризой. Она жила с родителями, училась в институте. Мы встречались месяца три, а потом расстались. Как-то глупо расстались, просто перестали звонить друг другу, обиделись, как дети. Честно говоря, я даже думал на ней жениться. Но не получилось. Тогда мне было двадцать шесть. А ей двадцать. Через полгода меня перевели на другой объект. Но я еще несколько раз звонил ей, мы просто оставались друзьями. Интересно, что она почти не изменилась за столько лет. Девятнадцать лет прошло.

— Вы назвали ее Фаризой?

— Да, Фариза Мамаджанова. Она по отцу узбечка, а по матери, кажется, украинка, но из Казахстана. Из бывших целинников. Такая интересная смесь.

— Извините за мой вопрос. Вы были ее первым мужчиной?

— Почему вы так решили? — удивился Эдуард Леонидович.

— Начало восьмидесятых, у нас в стране «секса нет», — пояснил Дронго, — жили в провинци-

альном городе, отец узбек. Естественно предположить, что она была еще девушкой.

— Да, — кивнул Халупович, — вы правы. Так все и было. Она не хотела приезжать, мне пришлось несколько раз звонить ей и уговаривать.

— Это ваша вторая женщина. А третья?

— Оксана из Киева. Там, слава богу, еще не нужна виза. Она приехала в Москву, но отказалась от отеля, решила жить у родственников. Я ей дал свой адрес, и она сама приехала ко мне в шесть часов вечера.

— Почему она отказалась от гостиницы?

— У нее в Москве живет сестра. Я, конечно, не стал настаивать. С Оксаной мы познакомились почти пятнадцать лет назад. Такая невероятная встреча в Киеве. Знаете, в какой год? Летом восемьдесят шестого, как раз после Чернобыля. В Киеве тогда было больно глотать. Это ощущение я помню до сих пор. Может, на нас так подействовала радиация? Это была невероятная встреча. Два дня мы ни о чем не могли думать. Мне было под тридцать, ей — уже тридцать. Это было так здорово.

— Она была замужем?

— Кажется, разведена. Тогда мы не задавали друг другу таких вопросов. Нас не интересовало ничего в этом мире. Это была даже не любовь, а внезапно вспыхнувшая страсть.

— У вас была интересная жизнь, — заметил Дронго.

— Наверно, — улыбнулся Эдуард Леонидович,

потушив сигару. — Оксана задержалась чуть дольше остальных. Говорила по телефону со своей сестрой. Потом ушла сама, отказавшись от машины. И я, дождавшись домработницу, поехал в аэропорт.

— Вы не оставляли ей запасные ключи?

— Нет, никогда. Одна пара всегда со мной, вторая у меня дома. Нет, ключей не было ни у кого. Это мое твердое правило. Ключи от собственного сейфа я тоже никому не доверяю. Это исключено.

— Сотрудники милиции осмотрели тело? Признаков насилия не было?

— Конечно. Они все сфотографировали, осмотрели. Несчастливая женщина случайно выпила воды — и умерла. На столике стояла большая бутылка воды. Французской воды «Эвиан». Я люблю эту воду. И мой водитель всегда привозит мне несколько бутылок. Для кофе я использую ключевую воду, а в натуральном виде пью «Эвиан». Кто мог подумать, что такое может случиться. Там был какой-то сильный яд, по-моему, что-то связанное с крысиной отравой, я точно не понял, что именно. Несчастливая работала в трех местах. Я понимаю, конечно, что убить хотели меня, а не ее. Но тогда вопрос: кто именно?

— Вы не помните, кто из ваших старых знакомых проходил на кухню?

— Помню, конечно. Они все были на кухне. Мы не виделись столько лет, и каждой из них хотелось осмотреть мою квартиру. Это типичное

жилище холостяка. Откуда им знать, что я давно женат и у меня взрослая дочь.

— Сколько лет дочери?

— Пятнадцать.

— Когда вы встречались с Оксаной, вы были уже женаты?

— Да, но какое это имеет значение? Я же вам объяснил, что это была не любовь, а страсть.

— Ваша жена догадывается о вашем любвеобильном характере?

— Не думаю. Мы никогда не говорили на подобные темы. Я веду себя достаточно скромно, чтобы не доставлять ей неприятностей. И потом, по большому счету, я ей никогда не изменял, даже с Оксаной.

Дронго удивленно посмотрел на гостя. Потом взял бутылку коньяка и плеснул себе жидкость на дно бокала.

— Мне иногда трудно следить за вашей логикой, — усмехнулся он, — я не совсем понимаю вашу последнюю фразу. А все ваши встречи с девушками по вызову и ваша «страсть» к Оксане были чисто платоническими? Или вы вкладывали в эти слова другой смысл?

— Физически я, конечно, с ними спал, но не изменял жене, — пояснил Халупович, — то есть у меня и в мыслях не было оставить жену и дочь, уйдя к кому-нибудь из них, даже к Оксане. Это всего лишь «физические упражнения», необходимые для поднятия тонуса. Рассказывают, что президент Джон Кеннеди однажды признался, что не

может обходиться без женщин. Если у него оказывался пропущенным хотя бы один день, у него начинала болеть голова. Но он ведь не собирался разводиться со своей женой. Эти встречи были ему физически необходимы.

— Теперь я понял. То есть вы отделяете понятие «измена» от физической близости с другими женщинами?

— Безусловно. А вы думаете иначе?

— Честно говоря, да, — пробормотал Дронго, — но у каждого своя логика. Я уже давно избегаю давать советы кому-либо по таким вопросам. Это личное дело каждого. Однако мне интересно, как вы относитесь к своей супруге.

— Я ее очень люблю.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, вы не распространяете эту теорию на свою жену? Или вы полагаете, что она тоже может иметь право на «физические упражнения»? Простите, что я задаю вам такой вопрос, но мне необходимо уяснить суть проблемы.

— Это разные вещи, — обиделся Эдуард Леонидович, — у вас мораль девятнадцатого века. Мы свободные люди. Мне для поддержания необходимой формы нужны другие женщины. А ей вполне хватает такого мужчины, как я.

— «Девятнадцатого», — пробормотал Дронго, — тогда все понятно. Итак, вы полагаете, что ваша жена ни о чем не догадывается?

— Она понимает, что я не ангел, но в подробности я ее никогда не посвящаю. И про квартиру она тоже не знает.

— Ей никто не мог рассказать про ваши встречи?

— Нет, конечно. Никто о них не знал. Вы думаете, что она узнала о моей квартире, пришла и решила меня убить? — Халупович усмехнулся. — Вы не знаете мою супругу. Она никогда в жизни не позволит себе опуститься до наблюдения за мной. Никогда. И уж тем более не станет входить в квартиру, куда ее не приглашали, чтобы отравить воду в бутылке. Нет, это невозможно.

— Насчет вашей супруги может быть, но насчет того, что никто не знал про ваши встречи, вы ошибаетесь. Я уже насчитал, по крайней мере, еще двух или трех человек, которые могли об этом знать.

— Вы имеете в виду женщин, которых я пригласил? Но я им не рассказывал друг о друге.

— Нет. Я имею в виду вашего помощника, который искал Мамаджанову в Екатеринбурге, вашего водителя, который развозил женщин по гостиницам, наконец, вашу секретаршу, которая взяла на себя заботу о девочке. Все они могли знать о вашей квартире.

— Они знают, — согласился Халупович, — но знают только детали. Помощник искал в Екатеринбурге нужную мне женщину. Я не посвящал его в мою прежнюю жизнь. Водитель вообще ничего не знает. Его задача привезти и увезти нужного мне человека. А секретарша занимается девочкой, бабушка которой погибла. При чем тут мои встречи?

— Номера в отелях заказывала ваша секретарша?

— Да, конечно.

— Вы с ней в близких отношениях? Сколько ей лет?

— Двадцать три года. Но между нами ничего не было, честное слово. Она только моя секретарша.

— Красивая девушка?

— Да, но она не девушка. Она уже мама, у нее трехлетний сын. Работает у меня два года. Мне рекомендовал ее один из наших начальников отдела. Это его племянница. Знает английский и испанский языки, очень прилежная, дисциплинированная. Вы понимаете, нужно соблюдать «разумные пределы». Я не аскет, но стараюсь не афишировать свои связи.

— Хорошая фраза, — улыбнулся Дронго, — про «разумные пределы». Будем считать, что вы меня не обманываете. Ваш случай, конечно, очень интересный. Собрать в Москве трех женщин, с которыми встречались много лет назад. Само по себе это достаточно интересно. А еще попытка вас убить, если, конечно, убить хотели именно вас.

— Вы можете мне помочь? — спросил Халупович. — В прокуратуре считают, что она сама могла перепутать яд с каким-то продуктом и положить его в бутылку. Но у меня не было в доме такого яда, и уж тем более ей не нужно было смешивать его с водой.

— Может, у вас завелись крысы?

— На седьмом этаже? Нет, у меня никогда не было крыс.

— У вас есть в квартире мусоропровод?

— Нет, он на лестничной клетке. И вообще я достаточно цивилизованный человек, чтобы не травить крыс, которых у меня никогда не было, каким-то самодеятельным способом. Я доверяю профессионалам. Для этого я вызвал бы специалиста из отдела профдезинфекции. По той же причине я обратился и к вам. Вы лучший профессионал из тех, кого мне рекомендовали. И мне нужно, чтобы вы нашли «крысу», которая хотела меня укусить.

— Очень образно, — Дронго поднял свой бокал, — хорошо. У меня сейчас есть время, и я могу заняться вашим необычным случаем. Мы сможем прямо сейчас проехать в отели, чтобы побеседовать с вашими женщинами?

— Конечно, я им позвоню. Они и так беспокоятся. Я вызвал их в Москву, а сам не встречаюсь с ними уже два дня. Представляю, что они обо мне думают.

— Вы говорили о них сотрудникам милиции или прокуратуры?

— Нет, конечно, не говорил. Как бы я мог объяснить их появление сотрудникам милиции? Когда я уезжал в аэропорт, домработница была еще жива, и я не считал возможным говорить о своих знакомых следователям.

— Поедем прямо сейчас, — решил Дронго, — не нужно откладывать. Следователи могут узнать

о визите в вашу квартиру неизвестных женщин и заинтересоваться ими. Я только переоденусь.

— Насчет вашего гонорара... — начал Халупович. — Вы можете назвать сумму, чтобы мы ее обговорили?

— Да, — сказал Дронго, поднимаясь с кресла, — терпеть не могу этого момента. Но думаю, сорок тысяч меня вполне устроят. Конечно, я не гарантирую вам успешного завершения дела. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Вполне, — Эдуард Леонидович полез в карман, — пятьдесят процентов аванса вас устроит?

— Уберите деньги, — мрачно посоветовал Дронго, — сначала я сделаю свою работу. В моей практике было несколько случаев, когда мне приходилось отказываться от оплаты.

— Почему? — удивился Халупович.

— Вы могли сами подстроить подобное убийство, — объяснил Дронго. — Возможно, ваша домработница что-то узнала и вы специально оставили эту бутылку на кухне, а сами уехали в аэропорт, чтобы гарантировать свое алиби. Такой вариант вы исключаете?

Халупович открыл рот, потом закрыл его и с ужасом уставился на собеседника.

— Вы и меня подозреваете?

— Я говорю об этом как об одном из вариантов развития событий, — пояснил Дронго, — но, думаю, это самый нереальный вариант. В конце концов, вы могли ее просто выгнать. Вы слишком разные люди, чтобы ваши интересы хоть

как-то могли пересечься. Именно поэтому я не беру денег заранее. Подождите меня немного, я переоденусь, и мы поедем в гости к вашим знакомым.

Глава 3

Выйдя из дома, они сели в белую «Ауди». Это была восьмая модель, с большим, просторным салоном. Дронго усмехнулся, когда сажился в машину. Обычно бизнесмены предпочитали «Мерседесы», которые давно стали признаком дурного вкуса. Сами машины были в этом виноваты меньше всего. Но выбор «Ауди» говорил и о вкусе самого Халуповича. За рулем сидел молодой человек, на вид лет двадцати пяти. У него были красивые каштановые волосы, правильные черты лица. Когда они садились в машину, он открыл дверцу для Халуповича, и было заметно, что он выше своего патрона.

«Ребят с такой внешностью и ростом раньше отбирали в гвардию», — подумал Дронго.

Машина проезжала по Тверской, когда Халупович показал на один из домов.

— Здесь моя квартира.

— Первая или вторая? — уточнил Дронго.

— Та самая, — нахмурился Халупович. —

В квартире, где живет моя семья, есть охрана, и там не может появиться незваный гость. Как в вашем доме.

— А в этой квартире охраны нет, — понял Дронго, — но у вас в подъезде должна быть дверь с кодовым замком.

— Она есть, — кивнул Халупович, — но кого она может остановить? Нужно только дождаться кого-нибудь из жильцов и войти в дом вместе с ним. Рискованно, но абсолютно надежно. Это не защита от воров, скорее она служит преградой для мальчишек и бомжей, которые не могут теперь греться в теплых подъездах.

— Потом вернемся к вам, и я осмотрю вашу квартиру, — предложил Дронго. — Позвоните в «Националь» и скажите вашей знакомой, что мы скоро будем.

— Да, конечно, — Халупович достал телефонный аппарат и набрал номер.

— Вы давали номер своего мобильного телефона этим женщинам? — спросил Дронго.

— Думаете, позвонил кто-то из них? — понял Халупович. — Конечно, давал. Они в чужом городе, вдруг им что-нибудь понадобится. Алло, — произнес он, наконец дозвонившись. — Добрый вечер, Элга. Как у тебя дела? Нет, все в порядке. Я скоро к тебе заеду. Со мной один мой друг, он хочет с тобой поговорить. Нет, нет, ты его не знаешь. Спасибо, Элга, мы скоро будем.

Он убрал телефон в карман.

— Спрашивает, где я пропадал два дня. Так неудачно все получилось. Я планировал совсем по-другому устроить эти свидания.

— Иногда наши планы меняются независимо от наших желаний, — заметил Дронго и, кивнув в

сторону молодого человека, сидевшего за рулем, спросил: — Это тот самый водитель, с которым вы ездили за своими знакомыми?

— Нет, — поняв, о чем именно хочет спросить его Дронго, ответил Халупович, — это не тот. Это представительская машина. Егор раньше служил в Кремлевском полку. Такой красавец, что его даже сняли на обложку какого-то зарубежного журнала. Он мне показывал этот журнал. А женщины приезжали ко мне на другом автомобиле. Тот немного поменьше. «Шевроле Кавалер». Второй водитель гораздо старше Егора. Ему за пятьдесят. И он работает со мной лет шесть. Я ему вполне доверяю.

— Мне нужно будет с ним увидеться.

— Конечно. Я могу вызвать его в любое время.

— Кстати, кто выбирает вам машины?

— Никто. Я сам. Мне не нравятся стандартные модели, которые есть у всех. Предпочитаю что-нибудь оригинальное.

— Я это заметил. Вам не говорили, что вы большой оригинал?

— Говорили. Но мне кажется, что это неплохо. Не люблю стандартного мышления, одинаковой одежды, похожих мыслей и выражений. Каждый человек, по-моему, — удивительное творение природы. Может, поэтому меня так тянет к женщинам. Встречаясь с ними, я каждый раз невольно прикасаюсь к чужой человеческой тайне.

— И вы полагаете, что вам удастся разгадать чужие тайны?

— Не всегда, — честно признался Эдуард Леонидович.

— «У меня было много женщин. Но каждый раз, встречаясь с ними, я бывал одинок. А это в конечном итоге — худшее из одиночеств». Это сказал Хемингуэй. А он понимал толк в женщинах.

— Красиво, — согласился Халупович, — может, это действительно так. В конце концов, каждый из нас так трагически одинок на этом свете. Вы верите в загробную жизнь?

— Нет. Очень хочется верить, но мой разум отказывается признавать бесконечность. И в переселение душ я тоже не верю.

— Вы материалист, — понял Халупович, — поэтому вы так безусловно верите в силу вашей логики. А я верю в переселение душ. И в загробную жизнь. Иначе нет смысла в нашем появлении на этом свете.

— В таком случае вам нужно замаливать собственные грехи, — посоветовал Дронго, — иначе на том свете попадете в ад.

— Надеюсь, что не попаду. За мной числится только грех прелюбодеяния. Никаких других грехов у меня нет, я их просто не совершал. Может, поэтому мне так важно найти убийцу.

— Но учтите, вам придется удалиться, когда я буду разговаривать с вашей знакомой.

— Как это удалиться? — не понял Эдуард Леонидович. — Почему удалиться? Мне казалось естественным, что вы будете разговаривать с каждой из них в моем присутствии.

— Нет, — возразил Дронго, — в вашем присутствии они не станут мне ничего рассказывать. Чтобы спокойно разговаривать с ними, мне придется остаться с ними без вас.

— Может, мне вообще туда не ездить? — недовольно спросил Халупович.

— Мне важно, чтобы именно вы меня представили. Потом вам может позвонить ваш водитель, и вы уедете. Кстати, если сейчас еще не очень поздно, то попросите приехать ваших помощника и водителя к вам на квартиру.

— Хорошо.

Больше не было произнесено ни слова. Автомобиль, свернув к «Националю», остановился перед входом. Халупович и Дронго вошли в гостиницу. Очевидно, Эдуард Леонидович был здесь своим человеком, так как, любезно улыбаясь, его приветствовал метрдотель. Они поднялись в номер, где остановилась Элга Арнольдовна Руммо.

Она открыла дверь, улыбаясь гостям. На ней было темно-зеленое платье. Это была располневшая женщина лет сорока пяти, с несколько выцветшими светлыми волосами. Под глазами были небольшие припухлости, возможно, следствие больных почек. На ногах было заметно варикозное расширение вен. Увидев вошедших, она всплеснула руками и отступила на шаг в комнату.

— Здравствуй, Эдик, — сказала она с характерным эстонским акцентом — подчеркиванием согласных, — как хорошо, что ты наконец приехал.

В ее устах это прозвучало примерно так: «Зтраввстт-вуй Эттикк. Ккакк ххоррошшо, ччто тты ннаакконецц пприеххал».

— Здравствуй, — кивнул ей Халупович, входя первым и целуя ее в щеку, — познакомься, Элга, это мой знакомый. Мистер Дронго.

— У вас странное имя, — сказала Элга, протягивая руку, — но мне приятно с вами познакомиться, мистер Дронго.

— Спасибо, — Дронго пожал ей руку.

Женщина была среднего роста, но смотрелась гораздо внушительнее, чем Халупович, хотя тот был с ней примерно одного роста.

— Элга, — сказал Эдуард Леонидович, глядя в глаза своей старой знакомой, — у меня к тебе большая просьба. Поговори с моим другом. У меня случилась очень неприятная история, погибла моя домработница.

— Как это погибла? — испуганно спросила Элга. Очевидно, десять лет независимости сказались на ее характере. Здесь она чувствовала себя в чужом городе, которого немного побаивалась.

— Погибла, — подтвердил Халупович, — ты меня очень обяжешь, если переговоришь с моим другом. У него есть к тебе несколько вопросов.

— Панимаю, — кивнула Элга, — я ему расскажу все, что знаю. Ты не останешься у меня?

— Нет, — сказал Халупович, — сегодня нет. Я подожду вас внизу, в ресторане, — добавил он, обращаясь к Дронго, — и заодно вызову всех, о

ком мы договаривались. Извини, Элга, я не хочу вам мешать. Лучше подожду внизу.

Он повернулся и вышел из номера. Женщина удивленно посмотрела ему вслед. Затем обратилась к Дронго:

— Это невероятно. Почему он ушел? Вы не знаете?

— Кажется, догадываюсь, — мрачно ответил Дронго, — вы разрешите мне сесть?

— Конечно. Садитесь в кресло, — разрешила она, устраиваясь напротив него.

Дронго обратил внимание на ее обувь. Довольно дорогая обувь для женщины, принявшей подарок старого знакомого — бесплатную поездку в Москву. И ухоженные холеные руки. Глаза у нее были редкого зеленого цвета.

— О чем вы хотели со мной поговорить? — поинтересовалась она, обращаясь к Дронго. Она, конечно, немного волновалась, но чувствовала себя более уверенно, чем многие женщины, оказавшиеся бы на ее месте.

— У него погибла домработница, — повторил Дронго, — поэтому он попросил меня выяснить некоторые детали случившегося еще до того, как сотрудники прокуратуры захотят с вами встретиться.

— Понятно, — она незаметно вздохнула, — что я должна вам сказать?

— Рассказать вашу историю, — предложил Дронго, — вы ведь встретились с Эдуардом Леонидовичем через двадцать лет после того, как ви-

делись в последний раз. Неужели вас не удивил этот звонок?

— Через двадцать два года, — поправила его Элга, чуть усмехнувшись, — мы не виделись целых двадцать два года.

— И не удивились, когда он вам позвонил?

— Нет, не удивилась.

— Можно узнать, почему?

— Я часто о нем вспоминала. Часто о нем думала. А он, очевидно, думал обо мне. Мне всегда казалось, что рано или поздно мы обязательно встретимся. Даже если не в этой жизни, то в другой.

— Вы верите в Бога?

— Странный вопрос. Я должна на него отвечать?

— Если хотите...

— Да, я верующая, — с некоторым вызовом сказала она.

— Спасибо. Извините меня еще раз за мой вопрос. Вы помните ваши встречи в Таллине?

— Конечно, помню, — улыбнулась Элга, — это были лучшие дни моей молодости. Нам было очень хорошо вдвоем. Мы встречались у отеля «Виру» и потом шли через старый город. Он как раз начинается рядом с «Виру». Вы бывали в Таллине?

Она выговаривала название своего города с двумя буквами «н», как он теперь официально назывался, словно в пику русскому языку используя две согласные «л» и две «н».

— Много раз, — кивнул Дронго, — я вообще любил Прибалтику, и особенно ваш город. И неплохо его знаю.

— Спасибо, — ей было приятно, — у нас столько всего поменялось за эти годы.

— Вы встречались с ним в семьдесят девятом?

— Да, тогда у нас готовились к Олимпиаде. Официально считалось, что она будет в Москве, но у нас проходила олимпийская регата. В городе было полно офицеров КГБ. Я сначала думала, что он один из них. Он работал на какой-то секретной работе, и я думала, что он меня обманывает. Он выглядел тогда таким таинственным, говорил какие-то общие слова, не говорил ничего о своей работе. Он мне тогда очень понравился.

— Вы были не замужем?

— Неужели вы думаете, что он был моим первым мужчиной? — усмехнулась Элга. — Конечно, нет.

Она взяла свою сумочку, достала из нее пачку сигарет, щелкнула зажигалкой. Дронго обратил внимание на ее сумочку. Она была от «Селин» и стоила не меньше четырехсот долларов. Женщина закурила и продолжала:

— Я встречалась с парнями, когда еще училась в школе. В девятом классе. А потом у меня был близкий друг, которого призвали в армию. В институте я близко сошлась с нашим молодым преподавателем. Потом вышла замуж уже за другого молодого человека. Когда мы встретились с Эдиком, у меня уже был сын. Мне было тогда

двадцать пять, а ему только двадцать три. Он был такой молодой, волосы кудрявые. Он был шатеном. Сейчас в это невозможно поверить, но я не сразу узнала его. Он стал лысым, — рассмеялась Элга.

— Он знал, что вы замужем?

— Конечно, знал. Мы встречались почти целый месяц. Все время, пока он был у нас в Таллине. Я в него тогда сильно влюбилась. У меня не было еще такого парня. Он был искренним, нежным, каким-то особенно мягким, заботливым в постели. Никогда не ходил в ванную комнату раньше меня. И ухаживал за мной так трогательно. Мне до сих пор больно это вспоминать. Он был такой предупредительный. Наверное, потому, что был такой молодой. Я думаю, что до меня у него было мало женщин. Одна или две. По-настоящему я стала его первой женщиной. Говорят, что у каждого мужчины должна быть в жизни такая женщина. Вот я и стала такой его женщиной. Мне было уже двадцать пять. Я была очень, как это по-русски, миниатюрной.

— И больше вы с ним никогда не виделись?

— Нет, никогда. Я думала, он позвонит, но он не стал звонить. У него были свои проблемы, это был молодой, амбициозный человек. Зачем ему замужняя женщина? Тогда к его услугам было много молодых женщин. Он уехал и забыл меня. А я его не забыла.

Докурив сигарету, она потушила ее в пепельнице. Дронго посмотрел на зажигалку. Она стои-

ла не меньше ста долларов. «Интересная женщина», — подумал он.

— И с тех пор вы не виделись? — уточнил Дронго.

— Нет, с тех пор не виделись. И я ничего о нем не знала. Но подсознательно чувствовала, что когда-нибудь мы увидимся.

— И вы не удивились, когда он вам позвонил?

— Конечно, очень удивилась. Я не думала, что он сможет меня найти. Через столько лет. Он прислал мне, как это сказать, ах да, приглашение, и я оформила себе визу в российском посольстве.

— Кем вы работали, когда познакомились с Халуповичем?

— Лаборанткой, — ответила Элга, доставая вторую сигарету из сумочки. И снова щелкнула зажигалкой.

— Вам было двадцать пять лет, — напомнил Дронго, — а кем работал тогда ваш муж?

У нее чуть изменилось лицо. Выпустив струю дыма, она произнесла ровным голосом:

— Он был водителем у секретаря райкома партии. Тогда у нас еще были райкомы партии, если вы помните, конечно.

— Помню, — улыбнулся Дронго, — вы сказали, что у вас был сын. Сейчас он уже взрослый.

— Да, — оживилась она, — у меня сын и дочь. И двое внуков — дети сына. Я уже бабушка, правда, очень молодая.

— И красивая, — добавил Дронго.

— Спасибо, — улыбнулась она, — мы сидим

здесь и ничего не едим. Давайте я закажу что-нибудь в ресторане. Пусть нам принесут. А то в мини-баре очень маленькие бутылки. Вчера ко мне приходила одна моя знакомая, мы с ней очень славно посидели в ресторане.

— Здесь хороший ресторан, — кивнул Дронго, — значит, у вас есть сын и дочь. Сколько лет дочери?

— Шестнадцать, — она улыбнулась, — она студентка, у меня есть ее фотография.

Элга снова открыла сумочку и достала фотографию. На ней были двое молодых людей. Молодой человек и девушка стояли в обнимку, глядя в объектив фотоаппарата.

— Это мои дети, — гордо сообщила Элга, — сын ездил к ней в Лондон, она там учится.

— Наверное, хорошо учится?

— Да, очень. Мне вообще повезло с детьми.

Он протянул ей фотографию и, когда она дотронулась рукой до карточки, расчетливо спросил:

— А с кем вам не повезло?

Фотография в ее руках дрогнула. Ощутимо дрогнула. Выхватив у него из рук фотокарточку, она быстро спрятала ее в сумку, словно защищая своих детей от непрошеного внимания.

— Что вам нужно? — мрачно спросила она. — Зачем вы меня мучаете? Кто вы такой?

— Я эксперт по расследованиям преступлений, — пояснил Дронго, — и у меня не очень приятная для окружающих профессия. Иногда мои

вопросы приводят людей к нервному срыву, иногда доводят до слез. Но моя работа такова, что я должен задавать вопросы и получать на них ответы. Моя главная задача — видеть и слушать. Причем слушать так, чтобы услышать то, что мне нужно.

— И вы что-нибудь услышали?

— Немного. Но, если позволите, я изложу вам некоторые свои наблюдения. Во-первых, вы не сказали Халуповичу о своей дочери, которая родилась через шесть лет после вашего знакомства. Мне вы показали карточку своих детей, а ему об этом не сказали. Хотя он успел узнать, что у вас есть двое внуков от сына. Подсознательно вы что-то хотели от него скрыть. Во-вторых, вы работали лаборанткой, а ваш муж водителем. Я понимаю, что за эти годы могли произойти большие изменения, но не настолько большие, чтобы вы носили такую дорогую обувь, имели столь дорогую зажигалку, сумку, а ваша дочь училась бы в Англии. Даже если ваш супруг получил огромное наследство или неожиданно разбогател, то и тогда вы бы не вели себя так. И уж наверняка не стали бы заказывать в номер обед из ресторана или обедать в «Национале», где нужно оставить весьма приличные деньги. Для этого нужны годы привыкания. И, судя по всему, сын и дочь не очень похожи на вас. Но, боюсь, они похожи на разных мужчин. У вас был еще и другой мужчина?

Она тяжело вздохнула, потушила вторую сигарету, достала третью.

— Я об этом никому не говорила, — призналась Элга, — прошло столько лет.

Закурив, она убрала зажигалку в сумочку.

— У меня второй муж, — сообщила она Дронго, — но я не стала говорить об этом Эдику. У меня осталась фамилия моего первого мужа — Руммо. Такую фамилию носит и мой сын. А семнадцать лет назад я вышла замуж во второй раз.

— А почему вы не сказали об этом Халуповичу?

— Не сочла нужным.

— Он считает, что вы до сих пор живете с первым мужем. Именно поэтому он вызвал вас сюда и оплатил вам отель и билеты. И вы не стали ему ничего говорить. Но, судя по вашему виду и манерам, у вас сильно изменилось социальное положение. И вы ничего не сказали об этом Халуповичу. Я могу узнать, почему?

— А почему вы считаете, что я должна говорить об этом вам?

— Погибла женщина, — пояснил Дронго, — и вашего бывшего друга могут подозревать. Именно поэтому я приехал сюда. Неужели вам безразлично, что с ним случится?

— Я думала, что вы меня обманываете, — растерялась Элга. Она потушила третью сигарету, посмотрела на пачку сигарет, на сумочку, но четвертую сигарету доставать не стала.

— Что вас интересует? — спросила Элга.

— Мне кажется, вы сознательно что-то скрываете. Или я не прав?

Она молчала. Целую минуту. Смотрела на свою сумочку и молчала. Потом медленно сказала:

— Вы что-то узнали?

— Пока нет. Но, рассказывая о вашей встрече с Халуповичем двадцать два года назад, вы оговорились, что вам до сих пор больно об этом вспоминать. Почему «больно»? Почему вы использовали именно это слово?

Он ждал еще целую минуту. Наконец она решилась. Потянулась за сумочкой, достала зажигалку, вытащила новую сигарету из пачки.

— Я не хотела рассказывать Эдику о своей трагедии, — проговорила она наконец, — не хотела, чтобы он узнал о случившемся.

— Это связано с вашим первым мужем? — понял Дронго. — Вы сказали Халуповичу, что до сих пор живете со своим мужем.

— Да. Я поэтому и не меняю фамилию. Эдик уехал тогда, успев со мной попрощаться. А через некоторое время я узнала, что моему мужу все рассказали. В подробностях. Всегда есть сплетники, которым доставляет удовольствие видеть, как мучаются люди от их слов. Особого рода садисты.

Это случилось примерно через месяц после отъезда Эдика. Об этом узнали на работе мужа, в райкоме. Секретарь сказал, что водитель такой солидной организации должен разобраться со своей морально разложившейся супругой, иначе мужа самого выгонят из райкома. Я думаю, секретарь просто злился на меня. Он был молодой, лет тридцати пяти. И он несколько раз меня видел,

пытался за мной ухаживать. Но он мне не нравился. Какой-то слизняк был, гнида, а не мужчина. Вот он и рассказал все мужу, решив отомстить таким образом. Муж вернулся домой, наорал на меня в присутствии сына. А потом впервые в жизни меня ударил. И куда-то уехал...

Она судорожно вздохнула.

— Потом мне рассказали, что муж пил в ту ночь до утра. Без всякой меры. А утром, возвращаясь домой, заснул за рулем и врезался в автобус. Водитель автобуса и еще два человека были ранены, а мой муж погиб. Сразу...

Она резким движением потушила сигарету.

— С тех пор я не меняла фамилию. Это случилось так давно. Через шесть лет я встретила другого человека. Он работал заместителем директора института. Уже тогда это был достаточно состоятельный человек. Я переехала к нему, а сын с матерью остались в моей прежней квартире. Потом у нас родилась дочь, после девяностого года муж стал директором института, у них появились большие деньги — они начали сдавать в аренду свои помещения. Муж удачно вложил их в бизнес. Мы стали жить гораздо лучше. Даже позволили себе послать дочь учиться в Англию. А про историю с моим первым мужем я никому не рассказывала. Это было очень больно. На похоронах мужа я плюнула в лицо этому секретарю райкома. Меня чуть не посадили в тюрьму, в КГБ считали, что это был антисоветский жест. Но вступилась первый секретарь, она была мудрая женщина.

Сейчас смешно вспоминать. Когда мы вышли из состава Советского Союза, нашим главным националистом стал тот самый секретарь райкома. Он сразу выбросил свой партийный билет и начал агитировать за независимость. Недавно я его встретила. Раньше он продавал лес, потом разорился. Сейчас у него небольшой продуктовый магазин. Такой жалкий стал, всем улыбается, старается угодить. Вот такая у меня история. Только вы ничего не рассказывайте Эдику, он будет переживать, нервничать. Зачем ему об этом знать? Он ведь ни в чем не виноват.

Дронго молчал, давая ей возможность собраться с мыслями. Затем уточнил:

— Когда вы были у него дома, кто-нибудь еще был в квартире?

— Нет, никого.

— Вы пили шампанское?

— Кажется, да. Мы немного посидели, побеседовали. Эдик очень изменился. Стал нервным, суетливым. Постарел, — грустно улыбнулась она, — наверное, я тоже сильно постарела, только не замечаю этого. Представляю, с каким ужасом он на меня смотрел. Через столько лет.

— Вы не заходили на кухню?

— Конечно, заходила. Мне было интересно посмотреть, как Эдик живет. Кухня у него хорошая. И квартира в центре. Я не думала, что он останется холостым столько лет.

— Это он вам сказал?

— Да. Сказал, что живет в этой квартире один.

— Кроме шампанского, вы что-нибудь пили?

— Кажется, кофе. Он приготовил чудесный кофе, у него есть кофеварка. Мы выпили кофе, и я предложила помыть чашечки. Но он не разрешил. После этого я уехала, и он сказал мне, что позвонит. Теперь я понимаю, почему он был так занят вчера и сегодня.

— Вы знали, что к нему кто-то должен прийти?

— Нет, не знала. Но почувствовала. Женщина всегда чувствует такие вещи. Он два раза незаметно посмотрел на часы. Наверно, торопился с кем-то встретиться. И на кухне было несколько одинаковых бутылок шампанского. Я поняла, что у него часто бывают женщины. Но я не ревновала. К чему ревновать спустя столько лет...

— А ваш муж? Он не спросил вас, почему вы решили поехать в Москву?

— Мы женаты уже много лет, и он мне вполне доверяет, — пояснила Элга, — и потом, я давно собиралась посетить Москву. Я объяснила мужу, что вызов прислал мой давний знакомый, и он меня отпустил.

— Когда вы уезжаете обратно?

— Через два дня.

— Последний вопрос. Вы знаете номер его мобильного телефона?

— Знаю, — кивнула Элга, — он дал номер личного мобильного телефона, и я запомнила его. Вы хотите, чтобы я ему позвонила?

— Нет, спасибо. У меня нет больше вопросов. Извините, что побеспокоил.

— Мне было приятно с вами разговаривать, — ответила Элга.

— Еще раз спасибо, — он поднялся с кресла. — Я хочу извиниться за свои вопросы, Элга. Понимаю, что невольно причинил вам боль.

— Ничего, — она кивнула ему в знак прощения, — как это говорят англичане, у каждого есть свой «скелет в шкафу».

Поцеловав ей руку, он вышел из номера и спустился вниз. В холле отеля нервно прохаживался Эдуард Леонидович. Увидев Дронго, он шагнул к нему.

— Наконец-то! Почему так долго? Что она вам говорила?

— О вашей прежней встрече, ей было приятно вспомнить ваши отношения.

— Конечно, — широко улыбнулся Халупович, — нам было очень хорошо. Поедем быстрее, в «Метрополе» нас ждет Фариза.

— Как вы сами считаете, кто мог позвонить вам, чтобы предупредить? Я имею в виду, кто из трех ваших женщин?

— Не знаю, — нахмурился Эдуард Леонидович. — Может быть, Элга? Хотя я не уверен. Голоса я не узнал.

Уже в салоне автомобиля, когда они отъехали от «Националя», Дронго неожиданно спросил:

— Скажите, Эдуард Леонидович, у вас бывают приступы депрессии?

— Нет, — усмехнулся Халупович, держа в ру-

ках сигару, — никогда. Иногда я нервничаю, срываюсь, но стараюсь брать себя в руки. А почему вы спрашиваете?

— Для себя, чтобы лучше понять ваш характер.

Глава 4

К гостинице «Метрополь» они подъехали через пять минут. Поздно вечером перед зданием Государственной думы было не так много автомобилей и не было привычных заторов. Им пришлось пройти к метрдотелю и объяснить, куда именно они собираются идти. Метрдотель позвонил в номер Мамаджановой и, получив ее согласие, разрешил им пройти к лифту, чтобы подняться в номер. Они прошли по коридору. Дверь была уже открыта. На пороге стояла женщина. Она не была молода, но ее нельзя было назвать и пожилой. Очевидно, она следила за собой, так как была очень подтянутой, стройной. Если вспомнить рассказ Халуповича, то ей должно было быть под сорок. Однако в темных брюках и светлом джемпере она выглядела неплохо. На лице почти не было заметных следов макияжа, волосы собраны на затылке. Очевидно, она их ждала.

Женщина приветливо улыбнулась Дронго и угловато поцеловалась с Халуповичем. Для него подобный поцелуй был привычным приветствием, для нее, очевидно, несколько экстравагантным поступком. Но она ничего не сказала, лишь улыб-

нулась и пропустила гостей в номер. Халупович вошел первым и по-хозяйски устроился на диване. Дронго сел в кресло, она — напротив. У нее были бархатно-мягкие светло-карие глаза, красивая посадка головы, длинная шея. Тонкие губы, плавная линия подбородка.

— Извини меня, Фариза, — начал Халупович, — уже поздно, но нам нужно поговорить. Мы приехали сюда с моим другом, который хочет с тобой побеседовать. У него необычное имя. Его зовут мистер Дронго.

— Очень приятно, — она не удивилась и ничего не спросила. Просто кивнула, словно Халупович все прошедшие годы только и делал, что находил ее и привозил к ней так поздно своих друзей.

— Дело в том, что у меня неприятности, — пояснил Эдуард Леонидович, — понимаешь, у меня погибла домработница. Как раз в том доме, где ты была.

Она внимательно слушала. Дронго нравилось ее спокойствие. Она не удивилась, не всплеснула руками, не начала перебивать говорившего. Она слушала старого друга, пытаясь понять, почему именно к ней пришли с подобным вопросом. Или ей уже была известна причина их внезапного появления?

— В милиции говорят, что она отравилась. Перепутала и выпила какую-то жидкость, — соврал Халупович, явно нервничая от ее долгого молчания. — Я не знаю, как объяснить ее смерть,

поэтому привез частного эксперта. Он беседует со всеми, кто был в тот день у меня дома.

Она все еще молчала.

— Тебя, конечно, никто не обвиняет, — быстро добавил Эдуард Леонидович, — но рано или поздно придется перечислить следователю всех, кто был в тот день в моем доме. И поэтому я хочу, чтобы ты была готова.

— У тебя было много людей в тот день? — наконец спросила она.

— Что? Нет, конечно. Но мой помощник, водитель, домработница — они ко мне приезжали. Поэтому я и взял с собой частного эксперта, чтобы он со всеми поговорил.

— Пожалуйста, — она взглянула на Дронго, — вы и есть частный эксперт?

— Да, — кивнул Дронго, — если разрешите, я задам вам несколько вопросов.

— Конечно, — кивнула она, — можете спрашивать. Я в Москве не была уж лет десять и поэтому помню каждый свой шаг.

Дронго взглянул на Халуповича. Тот понял его взгляд.

— Извините, — поднялся он с дивана, — мне нужно спуститься вниз. У меня еще одна встреча. Я потом тебе позвоню, Фариза. И спасибо, что ты меня понимаешь. До свидания.

Он снова поцеловал ее в щеку. И снова она разрешила ему это сделать, даже не имитируя попытки поцеловать его в ответ. Когда он вышел, она вернулась на свое место.

— Он не изменился, — сказала она, словно извиняясь за его отсутствие, — за столько лет он совсем не изменился.

— Вы давно его знаете? — спросил Дронго.

— Я его вообще не знаю, — вдруг сказала она, — мы были знакомы почти двадцать лет назад и с тех пор не видели друг друга. Честно говоря, я не думала, что когда-нибудь его увижу.

— Вы были удивлены, когда он вас нашел?

— Конечно. Я вообще не представляю, как это оказалось возможно. Он говорил, что послал ко мне своего помощника, тот должен был найти меня через столько лет.

— Вы поменяли место жительства?

— Не только, — улыбнулась она, — я вообще несколько лет не жила в Екатеринбурге. Уезжала с геологами на Север. Шесть лет жила в Сибири, потом в Северном Казахстане. Где только не были! Мы вернулись в Екатеринбург только четыре года назад. И он сумел меня найти. Это просто чудо.

— Вы сказали: «мы» вернулись. Вы замужем?

— Да. Мой супруг сейчас на конференции в Минске. Он приедет сюда послезавтра, и мы вместе улетим домой.

— Он не удивился вашему приезду сюда?

— Конечно, удивился. Он не мог понять, почему мой старый знакомый не давал о себе знать столько лет. И я ничего не могла объяснить мужу. Эдуард звонил несколько раз, просил приехать, но я все время ему отказывала. А потом выяснилось, что мужу предстоят поездки в Минск и в